

Мальчик с миловидными чертами лица, черты которого, только начинающие формироваться, уже были удивительно выразительными, позволяя угадать будущую ослепительную красоту, носил маленькую праздничную корону. Перед ним стоял праздничный торт в форме корабля с восемью зажженными свечами.

Свет свечей, падая снизу вверх, освещал юное лицо мальчика, на котором играла ясная и нежная улыбка.

Маленький Сы Ханьцзюэ смотрел в объектив своими черными, как смоль, глазами, в глубине которых горели яркие искорки, полные безграничных надежд на будущее.

В левом верхнем углу фотографии была строка, отпечатанная золотом: «На память о восьмом дне рождения Сяохана, 11 ноября 2000 года».

11 ноября?

Разве не завтра?

Тан Сяотан приоткрыл ротик.

Завтра у хозяина день рождения!

Тан Сяотан не успел обрадоваться, как увидел, что Сы Ханьцзюэ, поглаживая фотографию, угрюмо и тихо произнес:

— В мой восьмой день рождения бабушка сказала, что увезет меня жить за границу, и тогда меня больше никто не будет обижать. Но...

Он помолчал немного, а затем в полумраке медленно продолжил:

— После этого дня я больше никогда не праздновал день рождения.

Тан Сяотан молча поджал губки. Почему? Почему же не празднует?

Ведь в его глазах была надежда, ожидание... Почему же больше не празднует?

На этот раз связь между человеком и конфеткой будто разорвалась. Сы Ханьцзюэ больше не возвращался к этой теме, медленно закрыл шкатулку из красного дерева и, глядя на постепенно надвигающиеся за окном сумерки, с усмешкой подумал про себя.

Неужели он действительно рассказывал все это мармеладному мишке?

Маленькая мягкая конфетка, сладкая и послушная, прижималась к его груди, серьезно наострив свои два ушка-хвостика, опустив ручки и уставившись на шкатулку из красного дерева, слушая очень внимательно.

Сы Ханьцзюэ тихо улыбнулся.

Так мило, что настроение сразу улучшилось.

Сумерки сгущались. Сы Ханьцзюэ нашел под диваном пульт и включил хрустальную люстру в гостиной.

Он не очень хорошо разобрался в пульте, наугад нажал какую-то кнопку, и через две секунды

хрустальная люстра замерцала мягким синим светом, проецируя медленно вращающееся россыпью звездное небо.

Сы Ханьцзюэ и Тан Сяотан одновременно замерли.

Искусственно созданное темно-синее ночное небо безмятежно окружило прижавшихся друг к другу человека и конфетку, словно синяя морская волна, нежно отбрасывая мирскую суету в бездонную пропасть. Густая россыпь звезд, словно рассыпанные бриллианты на фоне темно-синего бархата, переливалась и сверкала, чудесным образом превращаясь в крутящиеся карусели двенадцати зодиакальных созвездий.

Сы Ханьцзюэ затаил дыхание, тихо обняв мармеладного мишку, позволяя себе погрузиться в бездонную, как океан, тишину.

В этот момент Тан Сяотан как никогда остро почувствовал одиночество Сы Ханьцзюэ.

Он молча, вместе с хозяином, наслаждался этим неповторимым зрелищем, украдкой упираясь попкой в хрустальную шкатулку, пытаясь медленно-медленно прижаться к хозяину...

Конфетка просто хотела крепко обнять хозяина.

Но, будучи всего лишь конфеткой, это простое желание было таким трудным для исполнения.

Тан Сяотан тихонько хныкал в темном углу, он терся, терся, терся...

Щелчок — Сы Ханьцзюэ снова нажал на пульт.

Звездное небо мгновенно исчезло, и гостиная вновь стала ярко освещенной.

Мужчина в мгновение ока спрятал все уязвимые эмоции, встал, лицо его стало холодным и суровым, взгляд — спокойным. Он быстро убрал шкатулку из красного дерева, поставил хрустальную коробочку с мармеладным мишкой на художественную полку в гостиной — настолько спокойно, будто только что просмотрел несколько деловых новостей.

Сы Ханьцзюэ поднял руку, поставил мармеладного мишку на полку и, слегка запрокинув голову, уставился на розовую конфетку.

Он не был человеком, который раскрывает свои чувства. Рассказывать о сокровенном конфетке давало ему чувство безопасности.

Интересно, понимает ли конфетка? — с усмешкой подумал Сы Ханьцзюэ. А что, если у конфетки действительно есть жизнь?

Какой была бы ее реакция, услышав все эти ужасные истории?

Сы Ханьцзюэ фыркнул.

Не может быть... Разве у конфетки может быть жизнь...

Хрустальная шкатулка вдруг качнулась, защелка открылась, и мармеладный мишка с глухим стуком выпал из нее, прямо на его плечо.

Большая головка Тана Сяотана уткнулась в его шею, мягкие, нежные и скользкие ручки раскрылись и прижались к его теплой коже.

Словно объятие.

Сердце Сы Ханьцзюэ растаяло от умиления.

Он поднял руку и нежно похлопал мармеладного мишку по попке, словно успокаивая послушного ребенка, пальцами погладил его по большой головке, а затем, сам не заметив, прижался к нему щекой.

Сладкий аромат был совсем рядом, нежная конфетка касалась кожи, словно ласковое прикосновение.

Малейшее тепло, возникшее от соприкосновения кожи, волновало до глубины души.

Мармеладный мишка, казалось, услышал его сердце и спрыгнул сверху, нежно обнимая его.

Если бы у конфетки действительно была жизнь, это было бы замечательно.

Эта мысль показалась Сы Ханьцзюэ до смешного милой.

Он улыбнулся, взял конфетку за большую головку, вернул Тана Сяотана обратно в хрустальную шкатулку, подумал, подумал и все же взял шкатулку с собой в спальню, поставив Тан на тумбочку у кровати.

Сы Ханьцзюэ принял душ, вытирая волосы, открыл ноутбук, готовясь поработать с документами, совершенно не заметив нахмуренные бровки конфетки рядом.

Личико Тана Сяотана, круглое, как шарик, покраснело, затем снова покраснело, его маленькие ручки крепко сжались в кулачки — в душе он вел ожесточенную борьбу с самим собой.

Он только что обнял хозяина!

Хотя хозяин, возможно, подумал, что он случайно упал, но конфетка, собрав всю свою храбрость, специально притворился, что падает, чтобы обнять хозяина!

Тан Сяотан подумал, что завтра он обязательно должен устроить хозяину прекрасный день рождения.

Возможно, ночное звездное небо задело какую-то давно скрываемую маленькую мысль, и у конфетки внезапно появилась смелая идея.

А что, если он подарит себя хозяину в качестве подарка? Какова будет реакция хозяина?

Сладкая конфетка, которая умеет ходить, двигаться и молча сопровождать хозяина... Он спрячется в розовой подарочной коробке, подождет, пока хозяин развяжет бант, а затем своим самым сладким и нежным голосом громко скажет хозяину: «Конфетка любит тебя!»

Конфетка хочет сказать хозяину, что конфетка всегда с ним!

Ночью, под звездным небом, на извилистом жизненном пути и в недоступных другим глубинах души — конфетка всегда своим способом сопровождает хозяина!

Тан Сяотан представлял себе эту картину, волнуясь и беспокоясь.

Он все еще боялся, что хозяин не обрадуется, а испугается. Что тогда делать?

Но конфетка решил попробовать!

Тан Сяотан сжал кулачки, подбадривая себя: мармеладный мишка — самый лучший!

Глубокой ночью Сы Ханьцзюэ крепко уснул под усыпляющий сладкий аромат мармеладного мишки. Неизвестно, то ли сегодняшнее звездное небо и старая фотография задела что-то глубоко в душе, но этой ночью ему постоянно снились события детства. Он ворочался, и вскоре сбросил одеяло.

Мармеладный мишка изначально хотел пристроиться рядом с хозяином и поспать, однако сегодня ночью хозяин постоянно ворочался, словно ему было некомфортно.

Он стоял в безопасной зоне, чтобы его не раздавили, и с тревогой наблюдал за беспокойно спящим хозяином.

Ой-ой, что же делать?

Если сбросил одеяло, можно простудиться!

Тан Сяотан был в отчаянии. Он крутился, подпрыгивал среди переворачивающегося тела хозяина, ухватился за край одеяла и, сопя и пыхтя, накрывал хозяина, прилагая даже силу, с которой обычно едят конфеты!

Однако одеяло было слишком большим и тяжелым. Тан Сяотан выбился из сил, еле-еле прикрыл грудь хозяина, как Сы Ханьцзюэ перевернулся и сразу же сбросил одеяло на пол.

Тан Сяотан... Неудача.

Но конфетка не сдастся так легко!

Тан Сяотан крикнул «Ой-ой!», прыгнул в скомканную кучу одеяла — словно прыгнул в большую теплую пушистую тучу — и мгновенно был ею поглощен.

Мармеладный мишка долго пыхтел и ползал, с большим трудом выбрался из одеяльного облака.

Конфетка чуть не умер от усталости.

Мармеладный мишка обеими ручками обхватил одеяло, старался изо всех сил, даже цвет конфетки, казалось, поблек, но без толку.

Одеяло было слишком большим, он просто не мог затащить его целиком на кровать.

Ушки-хвостики Тана Сяотана грустно задрожали. Что же делать?

Вдруг над его головой загорелась розовая лампочка!

Конфетка придумал отличный способ!

Он спрыгнул на пол, задвигал короткими ножками, запрыгнул на кровать, затопал к хозяину и, встав у уха Сы Ханьцзюэ, поджал губки и начал «фу-фу» дуть хозяину в ухо!

Сы Ханьцзюэ спал на спине, его красивые, четкие черты лица в темноте были видны лишь как резкие очертания, подобные горным хребтам. Из-за кошмара на кончике его носа выступили

крошечные капельки пота, ресницы слегка дрожали — он спал очень беспокойно.

Ему снилось, как его родители превратились в ужасных демонов и чудовищ и гнались за ним по бескрайней вулканической пустоши. Впереди бурлила лава, черные и красные потоки, переплетаясь, то и дело разбрызгивали искры. Он знал, что если побежит дальше — погибнет, но все же безоглядно пытался убежать от чудовищ позади.

<http://bllate.org/book/15589/1395439>